

ГЛАВА 1

— Не спеши, милый. Вернись.

Восьмилетний Дэвид остановился посреди гостиной, сгорбился, словно защищаясь от удара, и медленно повернулся. Мэриан стояла в узком проходе между двумя спальнями в дальней части квартиры. Ее рука поднялась, как крыло семафора, указывая на комнату сына.

— Когда ты вошел сюда, здесь было безупречно чисто, — сказала Мэриан.

Дэвид неохотно поплелся по ковру, а потом по деревянному полу, который она только что закончила натирать. Его кеды издавали негромкий резиновый скрип.

— Поднимай ноги, пожалуйста, — попросила Мэриан, когда он проходил мимо нее, и последовала за ним. — Видишь, о чем я?

Дэвид стянул свою школьную рубашку с дверной ручки, открыл шкаф и достал плечики.

— Я забыл, — протянул он вяло.

— Что-то ты многовато забываешь для такого умного ребенка. — Она смотрела, как он тычет в рубашку плечиками. — Если сначала повесить брюки, то хватит и одной вешалки, правда?

— Что, брюки тоже?

— Разумеется, брюки тоже. И обувь.

Брюки валялись на полу возле стула. Он поднял их и принялся просовывать одну штанину в вешалку.

— Солнышко?.. — терпеливо произнесла Мэриан.

Он демонстративно опустил руки:

— Я не могу это делать, пока ты смотришь. Нервничаю.

— Тогда я не смотрю. — Она повернулась спиной к нему, а лицом к окнам. — Скажи, когда все.

Сквозь звуки, долетающие со двора тремя этажами ниже, Мэриан различала невнятное бормотание Дэвида. Она подошла к окну и поправила красные занавесочные кольца на низком карнизе, разделяющем стекло пополам; шторы защищали от расположенной прямо напротив навязчиво блестящей многоэтажки — сплошная стена стекла и гладкого белого кирпича. Со двора до Мэриан донесся громкий женский голос: «Дарлин!» Она подошла поближе и глянула вниз.

Двор представлял собой довольно обширную бетонированную площадку, обрамленную бесформенными газончиками; в основном он служил проходом к подъездам многоквартирного дома, рас-

положенным в десяти ярдах друг от друга; по всей его длине были расставлены скамейки. На скамейках между третьим и пятым подъездами собралось особенно много женщин, главным образом молодых матерей... Рядом с каждой — детская коляска. Мэриан снова услышала крик «Дарлин!», громче первого, и увидела, как молодая женщина в шортах и безрукавке вскочила со скамьи. Ее рука указывала на кого-то вне поля зрения Мэриан. «Ну все, сейчас тебе влетит *по-настоящему!*» Две коляски расступились, пропуская женщину в шортах. Она выбежала за пределы видимости, и, судя по раздававшемуся крику, Дарлин влетело по-настоящему.

Всю неделю стояла нетипично теплая для этого времени года погода: двадцать пять градусов, а всего-то середина мая. Как всегда весной, двор превратился в бурлящую и звенящую эхом игровую площадку. С наступлением лета количество часов бурления непременно увеличится и гомон станет нестерпимым.

Лето. Квартира. Квинс¹. Ничего хорошего это не предвещает. Опять.

Мэриан искоса глянула на Дэвида. Тот повесил плечики в шкаф (очень криво) и засунул сменку в мешок. Как раз в этот момент в квартире этажом ниже зазвучало фортепиано.

Полчетвертого. Часы можно сверять. Сначала гаммы, примерно пять минут борьбы за мелкую

¹ Квинс — район Нью-Йорка. — Здесь и далее примеч. перев.

моторику; потом переход на Баха или Бетховена, или над чем там трудится квартира 2-Д в этом месяце, с полчетвертого до пяти, пять дней в неделю. К концу месяца фальшивые ноты никуда не денутся, а станут лишь быстрее, громче, проработаннее. Вроде вот этой. Она поморщилась. И этой. Да боже ж ты мой, не вылетай из тональности. Жаловаться еще раз смысла нет, в договоре об аренде четко прописано: с девяти до девяти — можно... Остается при встречах улыбаться, а по полу ступать потяжелее.

Дэвид захлопнул дверцу шкафа и повернулся к ней, оперев руки в бока:

— Сойдет?

— Сойдет, — ответила она. Потом прошла по ворсистому коврику, лежащему посреди комнаты, и присела перед сыном на корточки. — Теперь все выглядит намного лучше, правда? Согласись.

Дэвид не желал соглашаться. Все и так нормально выглядело.

Она заправила ему футболку, притянула к себе и громко поцеловала.

— Я та еще приставала, знаю, — сказала она сочувственно, — но и с тобой непросто.

Он попытался высвободиться.

— Я опоздаю.

— Куда опоздаешь?

— Мне надо.

— Ну так опоздай. Мы видимся, только когда я тебя ругаю. Поэтому и ругаю так много.

Не скрывая нетерпения, он позволил пригладить себе волосы — густые и темные, как у Бена; а у нее — длинные и русые; однажды в прошлом году, вскоре после того, как ей исполнилось тридцать, в них обнаружилась седая прядь, и она ее вырвала.

— По бульвару на велике не гонять, не забывай, и дома в шесть. Понял — в ш-е-с-ть. А теперь поцелуй.

Он едва ткнулся губами в ее щеку и, разом оживившись, рванул из комнаты.

Мэриан села на пятки и подождала, пока хлопнет входная дверь и задребезжат окна. В комнате снова был порядок, временно. Идеальная спальня мальчика из журнала: на покрывале аккуратно разложены подушки с персонажами из «Мелочи пузатой»¹; в углу — небольшой, блестящий полировкой школьный уголок; на стенах — футбольные плакаты и изображения старинных пистолетов. Портреты Даффи Дака и Альфреда И. Ньюмана² ровненько висят над кроватью. На комод — модель фрегата, в разных углах — маленький «мустанг», и Дракула, и Мумия, и механическое чудовище Франкенштейна, которое роняет штаны и краснеет (подарок от тети Элизабет, только ей одной игрушка и нравится). Пыль везде вытерта,

¹ «Мелочь пузатая» (англ. «Peanuts») — популярный в США комикс, выходивший с 1950 по 2000 год.

² Альфред И. Ньюман — вымышленный персонаж с обложки юмористического журнала «Mad» — вихрастый мальчишка с широкой улыбкой.

в комнате стоит свежий масляный запах — как и во всей квартире.

Дверь грохнула, шторы слегка качнулись. Мэриан рассеянно теребила ворс ковра. Она ощущала, как вибрирует паркет от звуков фортепиано внизу. Ее подмывало постучать в пол, но с той женщиной и так уже было неловко встречаться на лестнице или у почтовых ящиков. Мэриан обнаружила в ворсе белую нитку, вытащила ее; потом стерла частичку копоты, измазавшей ей пальцы; затем потянулась вперед, стоя на коленях, и, прочесывая ворс, нашла кусочек толстой синей нити, цвета ковра из ее спальни. Напомнила себе: почистить пылесос. Провела рукой по ковру, разглаживая его, затем встала, подошла к шкафу и перевесила одежду ду Дэвида. Минуту-другую она просто разглядывала содержимое шкафа. Гаммы внизу наконец сменились Бахом, и, пожалуй, Бах из 2-Д ей все-таки понравился; что-то в мелодии заставило Мэриан прикоснуться к пиджаку Дэвида и его плащу, к заношенному голубому махровому халатику, который пора бы уже заменить на новый. Поддавшись чувствам, навеянному халатиком и неумело сыгранной мелодией, она подошла к окну: сын, по идее, должен был пересечь двор. Он этого не сделал, а если бы сделал, то она окликнула бы его: «Дэвид!» — и бросила бы ему упаковку кексов «Янки Дудлс».

Квартира состояла из четырех просторных комнат; от стен отслаивалась штукатурка, и Бен регу-

лярно шпаклевал их, а паркетный пол слегка, но раздражающе дыбился перед двумя дверными порогами. Раз в месяц Мэриан как следует разгребала всю квартиру, драила пол и натирала его воском, и как минимум раз в месяц Бен, ходя в носках, поскользывался, хватался за спинку продавленного бархатного кресла и бросал «да господи!».

Дом был старый и располагался в Квинсе на широком оживленном бульваре, вдоль которого шли супермаркеты, бары, сетевые закусочные и несколько китайских и итальянских ресторанчиков, работающих навывнос. В двух кварталах находилась весьма востребованная пожарная часть, а самолеты заходили на посадку в аэропорт Ла-Гардия прямо над их крышей. Дома поновее были населены преимущественно молодыми парами и холостяками; в иных жили люди постарше и всякие хиропрактики. Ну и Рольфы — Бен, Мэриан и Дэвид — вот уже четыре года снимавшие жилье за сто шестьдесят долларов в месяц. Удачная сделка, и на тридцатку дешевле, чем их предыдущая (самая первая) трехкомнатная квартира в том же районе, но немного подальше. Следуя сложившейся традиции, они переехали сюда в поисках простора, как те семьи, которые в конце концов перебираются из этих кварталов в маленькие домишки Нассау или Саффолка¹. Рольфы тоже переберутся, была уверена Мэриан; просто они отстают на несколько лет.

¹ Пригородные округа Нью-Йорка.

Четыре года назад выяснилось, что их трехкомнатная квартирка больше не вмещает все нажитое за пять лет в браке. Виноватой считалась Мэриан, которая, по ее собственному признанию, была несколько склонна к потребительству («вот же чертова хомячиха», как однажды, во время редкого приступа ярости, выразился Бен). Ну, они и переехали, чтобы не пробираться из комнаты в комнату бочком, а то и ползком. Переехали ради пространства, экономии и удобства. Дом был большой, и, бог свидетель, жизнь в нем кипела: его населяли беременные женщины, маленькие дети, орущие на лестницах, подростки, выцарапывающие неприличные слова в лифте, когда тот работал; здесь повсюду носились кухонные запахи; здесь жил старик, мочившийся под почтовыми ящиками; здесь гудели батареи и ненадежные водопроводные трубы; здесь существовала проблема с тараканами, а однажды, страшно сказать, появились и мыши. За состоянием здания немного следил чернокожий многоженец мистер Айвз, которого все дружно именovali Призраком.

С каждым годом затея с квартирой 3-Д казалась все менее удачной — так, по крайней мере, думала Мэриан, которая проводила в ней большую часть времени. (Три-четыре раза в год она выходила на временную работу, подменять каких-нибудь сотрудников в офисах, чтобы осилить очередную соблазнительную покупку: буфет в стиле французского Прованса или — ее самое ценное приобретение — столик доре из красного дерева и бронзы.)

Где-то в мае, в преддверии лета, Мэриан впадала в уныние и мрачность; изрядную часть дня она тратила на уборку и снова на уборку. («Боже правый, — говаривал Бен, — опять сущий Дунсинан». Она ударила его, когда он объяснил, что имеется в виду.) Вместо того чтобы в терапевтических целях выслушивать перед ужином жалобы Бена — на мистера Байрона, директора старшей школы, на тупых детей или на идиотку мисс Маккензи, возглавляющую отделение английского языка в школе Тилдена, — Мэриан заводила собственную литанию, перечисляя одну за другой свои личные горести: жару, шум, копоть, однообразие, безбрежную и богомерзкую скуку летнего города. Город, преисподняя. *Квинс*. Пространство, экономия, удобство — все это сводилось на нет с июня по сентябрь, когда квартира, с точки зрения Мэриан, становилась непригодной для жизни, ну просто абсолютно непригодной. Почему бы не сделать, хотя бы однажды, так: накрыть мебель чехлами, оставить ключи тете Элизабет и отправиться куда-нибудь, где прохладно и тихо или как угодно, лишь бы тихо. А в сентябре офисам всегда требовались временные сотрудники.

Она протерла пыль всего пару часов назад, а на подоконнике в их спальне уже снова лежал слой городской копоты. Мэриан приподняла шторы и принялась дуть по всей длине двойного подоконника, пока не заболело за ушами, а потом опустила раму. Их спальня, как и прочие комнаты, смотрела на стену из окон и белого кирпича. Надзиратель-

ница, отметила Мэриан, по обыкновению, на своем посту, наблюдает за происходящим во дворе. Громадная женщина целиком заполняла одно окно на четвертом этаже, — казалось, она была там всегда, эта объемистая округлая гаргулья, опирающаяся на подушку и бесстрастно взирающая на все и всех. Бен уверял, что она — домашняя богиня и обнажена ниже пояса.

Мэриан добавила «уединенно» к «прохладно» и «тихо». Просто немного личного пространства. Чтобы можно было раз в жизни заняться любовью, не закрывая окна и не опуская жалюзи, не беспокоясь обо всех прочих кроватях по ту сторону их стен, пола, потолка. (Ее, во всяком случае, это беспокоило; Бену-то было решительно все равно.) Обычно они занимались любовью при включенном свете, и однажды в квартире сверху что-то с грохотом бухнулось на пол, так что по штукатурке пошли трещины и жалюзи взлетели вверх, а процесс был в самом разгаре, и они предстали в таком виде перед всеми освещенными окнами стены напротив.

— Я словно внутри похабного анекдота, — сказала она Бену, когда тот вернулся в постель. Он хотел как сумасшедший; она отвернулась и заснула, только это его и заткнуло.

Ладно, возможно, она преувеличивала — для усиления эффекта, вроде образцово обставленной комнаты в мебельном отделе универмага. Возможно, на самом деле все было не так плохо, хотя, вероятно, все-таки плохо. Один-два месяца не здесь,

и она точно вернулась бы отдохнувшей, и ее нарастающая паранойя была бы обуздана на следующие девять месяцев.

Вчера она просмотрела раздел недвижимости в «Таймс», зачитывая Бену наиболее подходящие варианты; на каждый из них Бен безразлично хмыкал. Она не стала давить: в воскресенье лето казалось менее угрожающим. Но сегодня угроза стала реальной, слышимой, и что уж тут говорить — давить было самое время. Перспектива провести лето в Квинсе, может с двухнедельным выездом куда-нибудь к северу от города да с единичными поездками в парк типа Джонс-Бич или Беар-Маунтин, сделалась еще более непереносимой. Бен свободен все лето: ни курсов, ни преподавания. Дэвид тоже свободен, а уж она и подавно. И не то чтобы у них совсем ни гроша за душой.

Убедившись в своей правоте, она кивнула сама себе и пошла в гостиную. Фортепианное бряканье доносилось прямо из-под ног. Она склонилась над журнальной этажеркой и вытащила «Таймс», открытую на странице «Дома для отдыха и каникул». Взгляд ее заскользил по колонкам, останавливаясь на более-менее подходящих вариантах, которые она обвела вчера («маясь дурыю», как выразился Бен). Вскоре Мэриан даже перестала слышать фальшивые ноты.

Автобусная остановка, гидрант, въезд во двор. Клятый район постепенно становился хуже Манхэттена. На бульваре было два места, но оба плат-

ные, и еще одно на Тридцать девятой — слишком тесное для «камаро». Он уже намотал два круга по кварталу, даже тыкался в соседние улочки — односторонние, а значит, уводящие его дальше от дома. Десять минут назад он проехал мимо своего здания, захороненного где-то за стоящими в ряд «Карлтон-тауэрс», «Гибсон-армс» и «Мейберри-хайтс». Кто такие, черт возьми, эти Карлтон и Гибсон, и где эти вшивые высоты, эти «хайтс»? И почему четыре дня из пяти проблема парковки мелкого желтого «компакта» достигает каких-то вагнеровских масштабов? Прямо перед ним загорелся красный. Бен ударил рукой по своему дипломату на пассажирском сиденье, произнес: «Вот дерьмо» — и потянулся за сигаретой.

Реактивный самолет проревел над тщедушными деревцами, уже полностью покрывшимися листвой. Четверо-пятеро мальчишек, ровесников Дэвида, катили на великах по направлению к Бену. Перед перекрестком они перестали крутить педали, но один съехал на поперечную улицу и резко метнулся в сторону, уворачиваясь от машины, к счастью двигавшейся совсем медленно. Бен скорчил гримасу и покачал головой. Лекция о велосипедах. Сегодня же.

Учитель в нем захотел крикнуть что-нибудь этим мальчишкам, особенно вон тому плюгавому, но впереди, в пятидесяти футах, кто-то как раз начал усаживаться в припаркованную машину. Бен нервно глянул на светофор, на приближавшиеся автомобили, что могли представлять для него

опасность, и на хитрого маленького ублюдка, проехавшего по боковой улочке на зеленый. «Ну же, *меняйся*». Женщина села в свою машину, зажглись задние габариты. Автомобиль тронулся с места, и спустя несколько его неуклюжих толчков обозначился намек на свободное пространство. Бен чуть подал «камаро» вперед, сигнал светофора сменился, и... Бог, кажется, все-таки существовал.

К моменту, когда он дошел до закусочной через дорогу от дома, место, где десять минут назад он припарковал машину, из памяти уже выветрилось. Осознание этого пришло к нему неожиданно: внезапная боль, словно тычок в ребра, и тихий злобный голос произносит: «Ну что, умник ты наш, так куда ты ее пристроил?» Бен взял «Пост» и пачку сигарет, заплатил пожилой, никогда не улыбающейся продавщице и вышел из заведения, проглядывая заголовки. На углу подождал, пока включится зеленый, и хоть и точно вспомнил, где стоит машина, все-таки мысленно проделал весь путь к ней, просто чтобы закрепить в уме. Два квартала прямо, направо от светофора, налево от следующего — и вот она, голубушка. Он взглянул на передовицу («Нью-Йорк снова на грани»), прочитал скучный абзац об урезании бюджета — и замер. Было ведь *три* светофора: два он перешел на зеленый, один ждал. Пацан на велике, ровесник Дэвида... Господи, ну и дичь. Он же *знает*, где припарковал треклятую машину. Бен сложил газету и сунул ее под мышку.

Мимо прогромыхал автобус, совсем близко к краю тротуара. Бен отвернулся, чтобы не вдыхать выхлопные газы, перекинул дипломат в левую руку и немного ослабил галстук. Мысль продолжала свербеть — неприятная, банальная. Он попытался выкинуть ее из головы, подумать о чем-нибудь более важном — финансовом кризисе, шуме, коррупции в правящих кругах, загруженности дорог, загрязнении воздуха; наконец, об этой вот уродливой каменной громадине неподалеку. Ну что это за место, как тут растить ребенка? Нассау, Саффолк — есть ведь альтернативы, верно? Может, даже Рокланд или еще подальше на север. Мэриан права: город с каждым днем становится все менее привлекательным и все более царапающим. Возможно, пора задуматься всерьез. Это важнее, намного важнее, чем тот факт, что, да, он, черт возьми, потерял машину.

Итак, поискать ее сейчас или заняться этим утром — выйти из дома на пятнадцать минут пораньше и шататься по улицам, словно рассеянный идиот, каковым он, очевидно, и является? Бен перебросил дипломат в правую руку. Пиджак лип к телу, где-то рядом надрывался радиоприемник и кто-то остервенело гудел вслед машине, повернувшей не по правилам. Часть сознания просто выключилась, заснула, и звуки теперь донимали его, как куски непереваренной пищи. Напряжение — вот как это называется. Боже, вся скопившаяся за день дрянь — все эти дурацкие крупные

и мелкие неприятности — действительно способ-
на довести до ручки.

Интересно, сколько пройдет времени, прежде
чем это прорвется наружу, прежде чем разумная
его часть скажет: «С меня хватит, сынок, давай те-
перь сам»? И тогда к чертям тормоза, и он полетит
вверх, вверх, как воздушный шарик. Его понесет,
понесет... Бен сделал глубокий вдох, мысленно
следуя за собственным полетом над своей много-
этажкой, надул щеки и издал чпокающий звук.
Только тут он заметил, что рядом с ним на бордю-
ре ждет зеленого сигнала маленькая девочка — она
подняла на него глаза. «Улыбнись, солнышко». Он
повторил свой звуковой номер для нее, с большим
старанием, и на этот раз она поднесла ладошку ко
рту и захихикала.

— Привет, — сказал он. — Что у тебя в сумке?

— «Ринг-дингс», — ответила она после кратко-
го раздумья и снова захихикала.

— А что это?

— Пирожное, — сказала девочка, и Бен расслы-
шал в ее тоне подспудное: «Во дурак!»

Загорелся зеленый, и девчушка побежала через
дорогу на длинных тощих ножках.

На другой стороне улицы он ненадолго оста-
новился, сделал еще одну безуспешную попыт-
ку порыться в памяти и, решив, что это абсурд
и он совершенно не собирается сейчас об этом
тревожиться, направился к дому. Он бодро кив-
нул — «дамы!» — старухам, которые, рассевшись

на складных стульях возле подъезда, сплетничали и наблюдали за происходящим. В пропахшем капустой вестибюле ему повстречался мистер Джироламо, у которого в прошлом году случился сердечный приступ и который с тех пор проводил большую часть времени в ожидании почтальона. Мистер Джироламо спросил Бена, не слишком ли для него сегодня жарко, и Бен ответил, да, конечно, а как ваше самочувствие? Прекрасно. Лифт, добавил мистер Джироламо, утром починили. Что ж, посмотрим, что сломается следующим, сказал Бен, и шестидесятилетний мистер Джироламо, который выглядел на все восемьдесят, засмеялся, довольно неуверенно.

Мэриан переоделась из джинсов и полинявшей рабочей рубашки в светло-голубую блузку (цвета ее глаз) и красную джинсовую юбку. Она стояла перед зеркалом в ванной, водя щеткой по волосам. По стояку Д кто-то спустил воду в унитазе; за душевой занавеской в цветочек редко и равномерно падали капли воды, пятная голубой фаянс. Эти звуки давно уже стали привычной частью обстановки, она почти их не замечала. Щетка с тихим шепотом ползла по волосам длинными, направленными сверху вниз движениями. Мэриан остановилась, наклонилась поближе к зеркалу и немного повернула лицо вправо. Она провела одним пальцем по виску, разделяя пряди. Сверху к зеркалу крепились четыре цилиндрические лампоч-

ки (Бен прикрутил их не то чтобы слишком умело и посему нарек свои действия «Операция „Свиное ухо“»)¹; Мэриан поправила одну из них — белую, не розовую — чтобы она светила на висок. Ложная тревога. Лампа вернулась в исходное положение. Больше тридцати, сказала она зеркалу, смирись. Она промыла расческу, протерла розовый мрамор подставки под раковину (их собственная, не домовладельца) и разыграла быструю шахматную партию бутылочками, тубиками и большой банкой жидкого мыла. Услышав лязг ключа в замочной скважине, откинула несколько пряжей с плеч и выключила свет. В ванной пахло сиренью.

— Это я, — крикнул Бен.

Когда она вошла в гостиную, он перебирал почту, отбрасывая в сторону ненужное. Мэриан положила руки ему на плечи, сказала: «Привет, милый» — и поцеловала. Газету с пометками она бросила на виду, на столике у телефона. Он ее не заметил.

— Жарко! — сказал Бен, отходя от нее. Он остановился в середине комнаты и принялся. — Тут пахнет лимонным маслом.

— Я была очень трудолюбивой девочкой, — сказала она. — По пиву?

Он сказал:

— Давай, — и очень искусно зарычал при звуке фортепиано у себя под ногами. Когда Мэриан вы-

¹ Английская идиома «Make a pig's ear of (something)», то есть взяться за дело неумело и все испортить.